
▼

ЛЮДМИЛА

Никогда не думала, что могу остаться без работы и без мужа одновременно. Мне почему-то казалось, что работа и семья — понятия взаимоисключающие. Либо ты суперженщина, «леди босс», феминистка, ориентированная на карьеру, либо тихая скромная симпатичная домохозяйка, виляющая хвостом при появлении «кормильца» и приносящая ему тапочки в зубах. Хорошо, не в зубах. В зубах — это слишком. Пусть в руках, но обязательно с улыбкой на лице.

— Как прошел день, дорогой? Я приготовила двадцать три твоих любимых блюда на ужин!

Да, с чувством юмора у меня сегодня, похоже, проблемы. И не только с чувством юмора. Теперь мой девиз: «Проблема — стиль жизни».

Сегодня отвратительно моросит. Ветер, не стихавший всю ночь, все-таки нагнал дождь, так что утро наступило безрадостное, с какой стороны ни взгляни.

Я покосилась на огромные кухонные часы в форме сковородки. Последние пять лет моей жизни прошли под знаком этой самой сковородки. Готовка, уборка, снова готовка, улыбка Джоконды, супружеский долг и редкие выходы в свет, обычно к его маме. А ведь как хорошо все начиналось...

— Люда! Зачем тебе теперь работать? — Новоиспеченный муж нежно целовал меня в ушко. — Я хорошо зарабатываю, нам хватит.

Мои робкие попытки возразить, что диплом экономиста просто так в мусорку не выбросишь, жалко все же пять лет универа, Сережа сразу пресекал:

— Зато у меня высокообразованная жена. Уж ты точно не будешь дни напролет смотреть тупые мексиканские сериалы. Ты превратишь наш дом в конфетку.

Кстати, сейчас, по-моему, идет как раз один из таких сериалов.

Я медленно поднимаюсь с табуретки, на которой сижу уже несколько часов с того момента, как Сережа заявил мне:

— Люда, мы стали слишком разными. Я постоянно развиваюсь, постоянно в движении. Прихожу домой — и что я вижу?

На мой робкий вопрос, что же такое он видит, Сережа ответил прямо:

— Я вижу расплывшуюся, неухоженную, деградирующую личность, с которой не о чем поговорить. Все! За вещами заедет моя мама!

Он так громко хлопнул дверью, что у меня зазвенело в ушах.

«Заедет моя мама!» В переводе на русский язык это означает, что его мама, когда заедет, заберет из квартиры все, что сможет унести в мускулистых руках за один раз. И потом обязательно вернется. Еще и еще раз. Проще отдать им ключи от квартиры, по крайней мере, тогда можно жить надеждой, что стены останутся на месте. А мне и этого хватит.

Опускаюсь в кресло, машинально отмечая, что оно как-то натужно скрипит подо мной. Нет, что ни говори, а Сережа прав. Я действительно неприлично растолстела: некогда стройные бедра превратились в ляжки, а плоский живот — в брюхо.

На экране телевизора замелькали титры, и наконец крупным планом застыло лицо главной героини. Она в коме. Уже серий сто. Однако

безупречный макияж на лице постоянно. И как сексуально она лежит. Вот женщина! Даже умирает эротично. Не то что я!

А пять лет назад у меня было много поклонников. Неужели правда? Мне становится смешно — в двадцать шесть лет я добровольно превратила себя в старую толстую корову. Я уже не помню, как кокетничают. Действительно, как?

Мне стало до такой степени интересно, что я поплелась в ванную и уставилась в зеркало. Хороша! Серенькие слипшиеся волосенки, красный нос и опухшие глаза. Нет, я выбрала неудачный момент. Поспешила убраться от зеркала поскорее. Какое кокетство, когда я редела два часа подряд?

Сериал смотреть почему-то расхотелось. Конечно, героиня обязательно выйдет из комы, и влюбленный миллиардер увезет ее на Багамы. А я снова начну реветь. Меня никто не возил на Багамы и даже на Черное море не возил. Помните, лет пять назад мы с Сережкой ездили на Байкал. Красотища! Я тогда была еще стройненькая и легкая, как ветер, порхала с одного камня на другой и громко кричала:

— Смотри, как красиво!

И чувствовала себя очень счастливой. Еще бы, я — молодая жена, медовый месяц и тысяча километров от свекрови. Хотя, как выясни-

лось позднее, тысяча километров для бешеной собаки не крик. «Мама» приехала спустя два дня, решив нас обрадовать. Остаток медового месяца я спала в одной палатке со свекровью и молодым мужем.

Может быть, уже тогда мне надо было бежать от них со всех ног? Нет, а как же книги «Как женить на себе мужчину?», «Сто причин, от которых ему не отвертеться» и прочая высокохудожественная литература, которой зачитывалась сначала моя мама, потом старшая сестра, ну, а после них, естественно, и я? В пособиях ни слова не говорилось о том, что от мужа можно уйти. Самой? Бред! Мужчину нужно поймать и крепко-накрепко держать за... А действительно, за что же надо было держать Сережу?

Мне снова стало грустно. Немного поразмыслив, я поняла, что реветь больше не могу, и тогда решила напиться. Водка в холодильнике у нас не переводилась — на случай прихода свекрови. Сережина мама лечилась ею от какой-то странной болезни. Приняв в лечебных целях граммов сто, она обычно принималась за меня:

— Люся! Я вот смотрю, унитаз у тебя не блестит. А ведь унитаз — лицо хозяйки!

Эх! Ответить бы мне ей тогда, что по себе людей не судят. Что у меня вместо лица не унитаз, а вполне приличная, интеллигентная мордашка!

Я открываю холодильник и тянусь к запотевшей бутылке «Столичной». Нет, я вообще-то не пью. Тем более водку. Ну, бокал красного вина, не больше. Но сегодня особый случай. Достаяю с полки стакан — граненый, естественно, для усиления образа опустившейся брошенки — и смело наполняю его до краев. Стараясь не вдыхать омерзительный запах, делаю огромный глоток и...

Из глаз потекли слезы. Нет, даже в память о Сереже я не в состоянии совершить этот подвиг. Остатки водки выплескиваются в раковину. Брызги летят на пол. Я машинально подсакиваю, ожидая замечания мужа:

— Боже, какая же ты неряха!

Или:

— У нас скоро крокодилы по кухне будут бегать!

Или:

— Недаром мама говорила, что вчера видела у нас трех огромнейших тараканов! И они ей дерзко улыбались! Мама предположила, что ты их подкармливаешь и дрессируешь.

Но тут я вспомнила, что Сережа ушел, а значит, лекции мне теперь читать некому. Сама не знаю, что на меня нашло — может быть, глоток алкоголя так повлиял на ослабленный стрессом женский организм, но я взяла все еще холодную бутылку и, обольстительно улыбаясь неизвестно кому, вылила все ее содержимое на пол! Боже! На безупречно чистый, безупречно блестящий линолеум кухни.

И в тот момент, когда последняя капля, блестя и переливаясь в свете стопятидесятиваттной лампочки, оторвалась от горлышка и плюхнулась в небольшую лужицу у холодильника, в дверь позвонили.

Первой мыслью было: «Сережа вернулся!» Второй: «Вернулся, но с мамой!» А третьей: «Они подогнали «КамАЗ», чтобы вывезти вещи!» И вдруг мне стало чертовски интересно, какая из этих догадок окажется верной.

Я одернула ситцевый халатик и непристойно бодрой для брошенной жены походкой направилась в коридор.

— Кто там?

Господи, а что у меня с голосом? Похоже, глоток водки действует на меня, как капля никотина на лошадь.

— Белла Карповна!

О! Свекровь! Неужели так быстро?

— Вы с Сережей?

— Нет! Мой сын больше не переступит порог этого вертепа!

Все ясно. Началась раздача слонов!

— Дорогая мама! — Мне самой стало страшно от такой дерзости. — А не пойти бы вам к черту?

Так. Теперь главное не задохнуться от смеха. Тишина. Почему так долго тихо?

— Что?! — Белла Карповна, похоже, тоже обалдела от такого поворота событий.

— Идите к черту, мама!

Внезапно я почувствовала себя легко и свободно. Отошла от двери и направилась в кухню, по дороге ругая себя за то, что вылила водку на пол. Еще глоток — и я бы послала ее дальше! Гораздо дальше!

Внезапно услышала скрежет ключа в замочной скважине и сообразила, что еще не все потеряно. Видимо, Белла Карповна вооружена не на шутку и, как только откроет дверь Сережиным ключом, сразу же и отдаст мне «первого слона».

— Боже! Какая вонь! Я всегда знала, что ты алкоголичка! — Пышная и розовощекая, с алыми губами вампира и «добрыми» глазами этого же существа, свекровь ворвалась в кух-

ню. — Бедный мальчик! Как он все это терпел?! — Полные руки возносятся к небу, рыжие, крашенные хной волосы разлетаются по плечам. Ярославна со своим плачем отдыхает.

Позади «мамы» сопят два каких-то мужичка, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Что выносить-то, хозяйка? Бл... — уныло матерится тот, который постарше, оглядываясь.

Понятно, это грузчики. Та-ак... Оперативно работают родственники, мать их.

— Все! Я вам покажу! — Белла Карповна срывается с места, и резвый топот ее вечно больных ног слышится уже из спальни. — Вот этот шкафчик! Да, да! Со всем содержимым! Это все я покупала! Так! И этот диванчик.

Шум, грохот передвигаемой мебели. Спустя час в квартире остаемся я, табуретка подо мной, холодильник (потому что старый), сантехника (потому что ее не отодрать от стены), кухонный стол (видимо, от душевной щедрости) и посуда (наверное, на память о прошлой жизни).

— Вот! — Свекровь бросает мне на колени ключи от квартиры. — И благодари Бога, что тебе попались порядочные люди!

Гордо, словно рыжее знамя, она поднимает голову и выплывает в коридор.

— И не вздумай нам звонить! Сережа познакомился с порядочной девочкой! — сообщает она мне напоследок и наконец исчезает.

Все. «Розданные слоны» полностью растоптали такой привычный, такой уютный мой мирок. Оно и к лучшему...

Еще плохо соображая от пережитого и задыхаясь от аромата Беллиных духов, я подошла к кухонному окну и увидела две премиленькие газельки и бодрую свекровь. Бок синего плюшевого диванчика, который я сама покупала еще в девичество, на моих глазах исчезает внутри машины. Еще миг — и там же оказывается стиральная машинка. Господи, а когда они ее успели вытащить?

Свекровь, словно чувствуя, что я за ней наблюдаю, резко поворачивается и встречается со мной взглядом. На ее лице все оттенки чувств — от дикой радости лесного кабана, растоптавшего пару-тройку охотников, до справедливого гнева праведной девственницы, собственноручно кастрировавшей мужчину, который решил с ней переспать. Белла Карповна поджимает алые губы, что выражает крайнюю степень презрения, не сводя с меня глаз.

Наверное, она решила подождать, пока я выброшусь из окна. Долго придется ждать, мама!

Мне снова становится смешно. Издерганный стрессами организм выдает удивительные фортели. Мне бы сейчас, по логике событий, зареветь в голос и пойти повеситься, а я зачем-то рассматриваю свои пальцы.

Наконец нужный мне найден. Я поднимаю средний палец вверх, причем так высоко, чтобы было видно с улицы. Ужасно непристойный жест, но мне становится легче.

Все. Долг снохи выполнен, теперь можно возвращаться в комнату. Спальня стала удивительно просторной, ни тебе дивана, занимавшего половину комнаты, ни телевизора, постоянно отвлекающего меня от серьезных мыслей.

Около окна сиротливо стоит собранная раскладушка.

Вспомнив, как Белла сказала: «Благодари Бога, что тебе попались порядочные люди!», я мысленно возношу слова признательности Всевышнему и ложусь спать. Утро вечера мудренее!

МАТИЛЬДА

Когда я спрашиваю у мамы, откуда взялось мое имя, она обреченно закатывает глаза. Знает, несчастная, что последует за этим вопросом. Я, как только научилась говорить, постоянно

вытягиваю из нее признание. Ну, скажи она мне, что папа перебрал лишнего после радостного известия из роддома и написал в ЗАГСе в графе «имя ребенка» первое, что пришло в его затуманенную алкоголем голову, я бы успокоилась. Честно! Или что так звали мою бабушку, и она прожила удивительно счастливую и беззаботную жизнь, каждые три года меняя автомобили, особняки и мужей. Так ведь нет!

— Папе тогда очень нравилась одна оперетта! А главную героиню там звали Матильда! — и все.

Мама считает, что этих объяснений вполне достаточно, чтобы я наконец успокоилась и «перестала маяться дурью», как говорил папа. И ведь не объяснишь им, что в школе с первого по десятый класс я неизменно была козлом отпущения. Тощая Мотя, Драная Мотя, Волосатая Мотя и еще много других милых моему сердцу прозвищ обрушилось на мою белокурую голову. Не спасало положение ни хорошенькое личико, ни светлая душа, ни доброе сердце. Тощая Мотя — и весь сказ. Даже когда я познакомилась со своим будущим мужем, не решилась ему представиться настоящим именем.

— Мо! — протянула я Мише ухоженную ручку.

Начинающий бизнесмен слегка обалдел, но все же пожал мои тоненькие пальчики:

— Это ваше имя?

— Да, — скромно опустила я глаза. — Мой папа долго жил в Китае... Работал на сверхсекретном предприятии!

Так начался наш роман. Не знаю, что произвело на Мишу большее впечатление — мое иностранное имя или длинные ноги, но с тех пор мы не расставались ни на минуту. Наверное, он действительно меня любит, потому-то и не сбежал, узнав, что мой папа — обычный мастер на машиностроительном заводе и зовут меня не Мо, а совсем по-другому. Но живем мы с ним уже пять лет душа в душу.

В институт я, естественно, не поступила, так как сразу же после школы выскочила замуж. Миша из начинающего предпринимателя превратился в крутого бизнесмена, и вопрос о моей работе с 8 до 17 отпал автоматически. Теперь я целыми днями болтаюсь по квартире, крашу ногти и пристаю к маме с глупыми вопросами.

Нет, своей жизнью я вполне довольна, только в последнее время меня все сильнее и сильнее одолевает скука. Миша вечерами проводит какие-то странные деловые встречи,

обед нам готовит кухарка, а детей мы пока не планируем. И совершенно очевидно, что заняться мне нечем. Вот и сегодня я проснулась как обычно в половине двенадцатого и еще долго лежала, размышляя, чего бы заказать себе на завтрак.

Мобильник затренькал где-то совсем рядом, и я на ощупь откинула крышечку:

— Аллю?

Мишкин голос, родной и как обычно нежный, заботливо поинтересовался:

— Не разбудил?

— Нет! — зевнула я, высоко задирая стройные ноги. — Я уже проснулась!

— Малыш! — В голосе появились виноватые нотки. — Я сегодня буду поздно. У меня деловая встреча. Ты не жди, ложись спать. Хорошо?

Мне стало чертовски обидно, слезы сами собой навернулись на глаза.

— Чувствую себя соломенной вдовой! — разрыдалась я в трубку. — Постоянно одна дома!

— Малыш! Ну, успокойся! Сходи в магазин, купи себе что-нибудь...

— Мне ничего не надо, — продолжала рыдать я.

Действительно, зачем мне новые тряпки, если в них не перед кем показаться?

Маша, наша кухарка и по совместительству домработница, принесла мне тарелку с салатом и две свежие булочки. Я сажусь на постели, скрестив ноги, и начинаю уплетать за обе щеки.

Настроение безнадежно испорчено, да еще около кровати крутится эта несносная болонка Розочка, подарок свекрови. И жить с ней невозможно, и пристрелить жалко.

ЛЮДМИЛА

Это какой же идиот придумал, что утро вечера мудренее?

Вчера мне было даже весело, напал кураж, а сегодня не хочется открывать глаза. Я уже давно проснулась, а вставать нет сил. Надо что-то делать, наверное, искать работу или хотя бы помыть голову, зубы почистить.

Тяжело опускаю ноги с раскладушки, и первое, на что натывается мой взгляд, — сиротливая кучка шмоток на полу. Старые джинсы с отвисшим задом, миленький серо-сине-черный байковый халатик и оранжевая водолазка, которая теперь не налезает даже на шею. Неужели это все мои вещи?

Я судорожно вскакиваю. Так! Что там у меня еще должно быть? Ну-ну! А! Вот и длинная трикотажная юбка, ага, под стулом валяется, и свитер серый китайский на месте. Значит, весь гардероб в сборе.

Мне становится так тоскливо, хоть волком вой. Я совершенно отвыкла от людей, я забыла, как можно работать, я боюсь всего.

Села и заревела в голос.

Совершенно очевидно, что у меня затяжная депрессия, наверное, мне необходимо лечение, скорее всего, даже в клинике.

Я зло утерла слезы кулаком. На депрессию и клинику можно забить. Успокаивать меня некому, сопли вытирать тоже. Тогда какой смысл рыдать?

Я решительно подошла к окну и на мгновение замерла. Сегодня дождя нет, значит, можно пробежаться.

Бегать? Это с моей-то комплекцией? Мне становится плохо от собственной смелости. Да я распугаю всех прохожих! Ну и черт с ними.

Подняла с пола джинсы и, скрипя, пыхтя и вытягивая живот до отказа, застегнула молнию. Корова! Водолазку примерить не решилась и надела свой любимый серенький свитер. И вообще в зеркало лучше не смотреться — что с

утра настроение себе портить? И так хоть иди и вешайся, если, конечно, Белла Карповна мыло мне оставила.

На улице довольно прохладно, все-таки сентябрь на носу. Я зачем-то втягиваю живот и резко стартую с места.

Спустя пару метров, к огромному удивлению, начинаю задыхаться. Пот катится градом, застилает глаза, а жир колыхается в такт шагам. Полчаса быстрой ходьбы дались адскими усилиями. Я устала так, словно копала землю даже не носом, а ушами.

— Что ж мне тяжело-то так? — с удивлением спросила сама себя и остановилась в городском саду, чтобы дух перевести, а заодно и осмотреться.

Таких же сумасшедших, как я, много — две стройные симпатичные девушки бегут уже второй круг вокруг фонтана. Пожилая чета семенит рука об руку, да еще мужчина в вязаной шапочке, натянутой на самые глаза, и с плеером на шее.

— Тяжело с непривычки? — останавливается он около меня и приветливо улыбается. — Да?

— Ага. — Я тоже улыбаюсь, но очень грустно. — Жутко тяжело, словно вагон с углем разгрузила.

— Ничего. — Мужчина бежит на месте, а я все еще пытаюсь восстановить дыхание. — Через неделю будет гораздо легче! Удачи! — И он унесся вперед.

А я, спотыкаясь и путаясь в собственных ногах, решила сделать еще один круг.

Домой возвратилась совершенно мокрая, измученная и усталая до такой степени, что не остается сил даже на душевные переживания. Скинула влажную от пота одежду на пол. И у меня вдруг возникла шальная мысль посмотреть на себя в зеркало.

Огромное зеркало в ванной, к моему удивлению, осталось на месте. Наверняка коварная Белла специально его не тронула: мол, смотри, любуйся на себя.

А что? И посмотрю, мне сегодня ничего не страшно!

Я бочком-бочком приблизилась к зеркалу и автоматически закрыла глаза. Нет, так дело не пойдет.

Открыла! Да, а размер-то у меня 52–54, это точно. И когда же я успела так разъесться? Ну как же, Сереженька любил пироги, пирожки, ватрушки. Непременно свежие. А вчерашние доедала я. Не выбрасывать же! Жалко!

Я тяжело вздохнула и пошла на кухню. Красным маркером размашисто написала на холодильнике: «На ночь не жрать! И так корова!» Затем тоскливо достала кефир и сделала жадный глоток. Похоже, в ближайшие полгода это будет основной моей пищей.

Теперь что? Ах да! Теперь надо искать работу.

«Из рук в руки», веселенькая газетенка, оказывается безнадежно старой. Что ж, придется снова выходить на улицу.

Сначала я решаю выбежать из дома как обычно, как я носилась за продуктами в течение последних пяти лет — волосы в хвостик, лицо, естественно, не накрашено. Но в последний момент передумала. Если уж начинать новую жизнь, то сразу!

Вытащенная из дальнего угла косметичка оказалась битком набита вырезками из бабских журналов: «пирог на скорую руку», «кулебяка по-русски», «блинчики с курагой».

Косметики же в ней не нашлось. Я брезгливо двумя пальцами схватила ее за бочок и со всем содержимым выбросила в ведро. Значит, кроме газеты придется купить и косметику. Хотя бы пудру, помаду и тушь.

Сплошные траты! И это в моем-то положении! Хотя сейчас деньги можно сэкономить на продуктах.

Теперь волосы. Что волосы? Неопределенного цвета пакли, хотя если собрать их в пучок на затылке, то смотрится неплохо. Неплохо для кого?

Внезапно меня начинают жутко раздражать висящие вдоль лица мокрые пряди. Помнится, в десятом классе я на УПК училась на парикмахера. Может, попробовать? Совсем я сдурила, хотя в моем положении хуже уже не будет. А как же всякие там приметы типа самой себя стричь — счастье обрезать или что-то в этом роде. Какое счастье?

Я уверенно подношу ножницы к голове и отрезаю длинную прядь. Еще и еще. Проходит полчаса. Я вхожу в раж! Волосы летят в разные стороны.

Наконец я прихожу в себя и смотрю в зеркало. Получился вполне приличный жирный мальчик. Нормальная ультракороткая стрижка, даже сзади не так уж и плохо.

На улицу я собиралась непривычно долго. Решила себя еще чем-нибудь украсить, но из всех украшений у меня остался лишь ярко-

желтый шелковый платок — его и повязала на шею. А что? Неплохо!

Погода к обеду испортилась, и мое и без того унылое настроение совершенно упало. Проходя мимо небольшого книжного развала, я зачем-то остановилась у прилавка.

— Что вы мне посоветуете почитать интересного? — вежливо спросила я неопределенного возраста и пола существо в вязаной шапочке, натянутой до глаз, и мятой ветровке.

— Так это, тетка... — Как только существо заговорило, стало ясно, что передо мной молодой парень. — Наверное, вот это! — И продавец протянул красочно оформленную книжку «Как выйти замуж за миллионера».

— Спасибо! — как от укуса, дернулась я. — Это я уже читала. А еще интересное что-нибудь есть?

— Есть! У меня все есть! Вот, например, «Поверь в себя». — Он ткнул мне прямо под нос другую книжку. — Жутко интересно. Или эта — «Негламурное ток-шоу», здесь про модель, которая всех мочит. Почитай!

— Только моделей мне сейчас и не хватает. Хотя ладно... — решаюсь я наконец. — Давай обе книжки и свежую газету «Из рук в руки»!

— Вот тетка молодца! — Парень радостно потирает руки.

И вдруг мне захотелось кое-что у него выяснить:

— Слушай, парень, сколько тебе лет? — Я старалась говорить ровным тоном, чтобы не испугать его раньше времени.

— Двадцать пять! А что?

— А мне сколько? Как ты думаешь? — Голос предательски дрогнул.

«Тетка! Да мы ровесники с тобой, гад ползучий».

— Ну... — мнется парень. — Около сорока, наверное, а что, неужели больше?

— Ничего! — Я быстро отвернулась и незаметно смахнула слезу с левого глаза. Правый мужественно держался. — Волк тебе тетка! — бурчу я, отходя подальше от хама.

Домой я вернулась в ужасном расположении духа и, решив по привычке, выработанной годами, заесть стресс булочкой или, на худой конец, хлебом с маслом, сунулась к холодильнику.

«На ночь не жрать! И так корова!»

Рука сама собой опустилась. И что же мне делать? Блин! Этот парень меня так расстроил, что про косметику я совершенно забыла.

Одеваюсь и опять выхожу на улицу. Просто бешеный ритм жизни для меня. Ближайший парфюмерный магазин в двух шагах от дома. К счастью, пожилая женщина-продавец теткой меня не назвала. Выбрала я себе тушь удлиняющую (было бы что удлинять), помаду увлажняющую и матовую пудру. Теперь прослышу красоткой!

Дома я первым делом поставила на огонь чайник, так как есть хотелось нестерпимо. Даже кактус на окне вызвал у меня обильное слюноотделение. Я налила огромную кружку чая и совершенно автоматически потянулась за сахаром. Стоп! Господи! Как же тяжело!

С кухни пришлось срочно уйти, держа под мышкой купленные книжки и горячий чай в руке. Настроение грозило уйти за знак «минус».

Я развернулась и поплелась в коридор за газетой, которую бросила прямо около входа. Надо дать объявление о поиске работы, хоть немного отвлекусь от негодования голодного желудка.

Итак, «Молодая одинокая женщина, 26 лет, с высшим экономическим образованием, без трудового стажа, ищет подходящую работу, без командировок». И телефоны.

Ну как? Мне показалось, что вполне прилично, хотя, может быть, написать еще, что выгляжу я немного за сорок?

Второй день «холостой» жизни подходил к концу, а о Сереже я так ни разу и не вспомнила. Все мысли занимал пустой желудок и парень, который назвал меня теткой.

МАТИЛЬДА

Эта паршивка Розочка налила огромную лужу на мой фиолетовый костюм — чудную вещьцу от Пако Рабана, которая, заметьте, лежала на кресле!

— Паршивка! — Я в ярости махала на болонку руками, размышляя, заорать или нет. — Что мне теперь делать?

Маши, как назло, дома не оказалось. Наверное, она ушла за продуктами. Я в отчаянии всплеснула руками:

— Ну и сиди теперь одна! — Брезгливо, двумя пальчиками я стянула костюм с кресла и бросила в пакет. — Я поехала в химчистку, а ты сиди одна!

Придется ехать, ну не выбрасывать же костюм за тысячу долларов?

Как назло, в химчистке было полно народу. Сюда в последний раз я заходила лет этак пять назад. Как я ненавижу очереди! Впереди меня стоит какой-то мужичонка лет сорока и постоянно вертится. Словно у него шило в заднице. Вот! Второй раз наступил мне на ногу.

— Мужчина! — не выдерживаю я. — Поосторожней можно?

— Простите ради бога! — Он моментально оборачивается, пожирая меня глазами. — Простите, я больше не буду! А можно я у вас интервью возьму? — прямо так, без перехода интересуется он. И глаза такие честные-честные. С такими глазами врать невозможно.

— Интервью? — удивилась я. — На какую, позвольте спросить, тему? Химчистка в жизни женщины?

— Да нет, что вы. — Он заразительно рассмеялся. — Интервью на тему «Красивая женщина может быть умной». Как вам?

— А сами-то вы что здесь делаете? — неожиданно вопросом на вопрос отвечаю я. — Ищете красивых и умных женщин?

— Я журналист. Кстати, меня зовут Николай. — Мужчина изучающе смотрел на меня. — Пишу статьи о красивых женщинах. А вы такой экземплярчик... У меня домработ-

ница болеет, и я здесь случайно, вот костюм принес в чистку.

— Понятно... — тяну я, хотя мне совершенно ничего не понятно.

— Давайте заедем куда-нибудь, посидим, поговорим! — неожиданно предложил Николай, но я тут же решительно отказываюсь:

— Нет, спасибо! — Я достала из сумочки ключи от автомобиля. — Поеду, пожалуй, домой, а костюм завтра сюда привезет моя домработница, а то у меня больше нет сил торчать в этой вонище и духоте.

— А можно я вас до дома подвезу?

— С чего бы это? — громко фыркаю я, и половина очереди оборачивается. — Сама неплохо вожу свою машину.

— Не сомневаюсь, но мне хотелось бы сделать вам приятное. Хотите, я вам паспорт покажу, если вы меня боитесь? — Николай полез в карман. — Я не маньяк, не убийца и даже не женат...

— В таком-то возрасте и не женат? — сомневаюсь я и тут же прикусываю язык. Получилось как-то неловко.

— Вы правы. — Николай и не подумал обидеться. Он вытащил сигарету и довольно

прищурился. — Я уже разведен. Так паспорт достать?

— А на кой он мне? — Настроение незаметно выровнялось, хотя мы и продолжали стоять в толпе каких-то мрачных людишек. — Я же не участковый!

Из химчистки мы вышли практически рука об руку, только я подошла к своей машине, а этот придурковатый Николай — к своей. Машина у него оказалась, кстати, не ахти какая. Обычный жигуленок, правда, 10-й модели. Цвет тоже так себе — болотный какой-то. Мне больше металлик нравится или мокрый асфальт. Форель тоже неплохо. Хотя чего я к нему прицепилась? Не моя же машина. Вот сейчас он сядет в свою совковую тачку — и прости-прощай. И не встретимся мы больше никогда в жизни.

— Как вас зовут? — Николай закурил.

Табак довольно приличный — это я сразу поняла. У меня на дешевые сигареты что-то вроде аллергии — тошнит и во рту привкус, словно туда нагадил маленький динозаврик. А тут нет, тут явно высокосортные сигареты. Да и парфюм вполне — «Кензо», скорее всего. Мне понравился. Одет стильно, несмотря на то что далеко не юноша.

— О чем вы так задумались? Наверное, меня оцениваете? — Николай словно подслушал мои мысли. Он продолжал топтаться возле меня, словно горный козел.

— Я? — От неловкости я даже покраснела, отчего разозлилась еще больше. — Я вас оцениваю? С чего бы это?

— Наверное, смотрите — немолодой дядечка, но одет стильно, — продолжил он. — Опять-таки тачка так себе, зато одеколон отличный. Я прав?

— «Кензо»? — Я не смогла сдержать смеха.

— Ага! — Николай тоже улыбнулся во весь рот. — Значит, я прав?

— Вот привязался! — прыснула я в кулак. — Прав! Но это ничего не значит!

— Договорились! — Николай снова улыбается отличными фарфоровыми зубами. — Где я вас завтра могу увидеть, чтобы взять интервью для журнала?

— Здесь! — Я махнула в сторону ближайшего гастронома. — Мне отсюда до дома недалеко и кафе «Синица» рядом. Может быть, в кафе? — И подумала, зачем я ему обещаю, ведь точно же никуда не пойду.

Я открываю дверцу и сажусь в свой «Пежо» черного цвета. Как говорит Мишка: «Автомобиль»

биль может быть любого цвета, главное — чтобы этот цвет был черным».

— Подождите! — Николай бросился следом. — Вы так и не сказали мне своего имени!

— А какая теперь разница?

— Да, действительно никакой! Вот. — Он протянул мне маленький белый прямоугольник. — Это моя визитка. Вдруг вы когда-нибудь решите мне позвонить, потому что, уверен, в «Синицу» вы завтра не придете. Ну, просто так позвоните, ведь может же такое быть?

— Может, — согласилась я и быстро уехала прочь.

Визитку я безразлично сунула в карман, решив избавиться от нее, как только скроюсь из поля зрения Николая. Зачем мне этот самодвольный пижон? Никогда я тебе не позвоню, Коля! Так и знай.

ЛЮДМИЛА

Неделя пролетела незаметно. Я не сдалась и продолжила свои утренние истязания. Фонтан в горсаду стал практически родным, каждый сантиметр дороги вокруг него был полит моим потом.

— Как дела? — Мой новый знакомый в вязаной шапочке одобрительно кивает при встрече. — Стало легче?

Я, шумно дыша и отплеываясь, словно верблюдица, остановилась и улыбнулась:

— Ну, по крайней мере мне уже не кажется, что я вот-вот умру!

— Николай! — представился мужчина и протянул руку. — А я уже три года бегаю, после инфаркта.

— Инфаркта? — переспрашиваю я поражено. — Вы такой молодой!

— Ну, мне скоро сорок. — Николай покраснел от смущения. — А инфаркт можно и в тридцать заработать.

— Да, конечно. — Я согнулась пополам и едва восстановила дыхание. — Еще как можно, — и вспомнила Беллу Карповну с грузчиками.

— А вас как зовут? — Николай снова улыбнулся.

— Что? — Я даже опешила. — Меня?

— Ну да, а что? — удивился мужчина. — Я вас напугал?

— Нет-нет, — растерялась я как девчонка. — Люда, Людмила.

— Очень приятно и до новой встречи! —
И Николай унесся вперед, оставляя за собой
облачко пыли.

— Станный он какой-то. — Я пожала
плечами, так и не признавшись себе, что Коля
мне понравился. Очень симпатичный.

Сделала два круга вместо одного заплани-
рованного и возвратилась домой. Очень-очень-
очень хочется есть. Я обняла холодильник и
приоткрыла дверцу — кефир, диетический тво-
рог, яблоко и крошечный кусочек сыра. Резко
захлопываю дверцу и тяжело вздыхаю — до
завтрака надо выдержать хотя бы час.

Сегодня должны поступить первые предло-
жения о работе, и я с утра, сразу же после про-
бежки, сажусь у телефона.

Вот! Первый звонок.

— Алло?

— Это вы давали объявление о поиске ра-
боты?

— Да, я! — От волнения у меня садится
голос.

— Опишите себя! — зачем-то настойчиво
требует женщина на том конце провода.

Я пораженно молчу, а потом думаю: может,
сейчас именно так и устраиваются? Откуда мне
знать?

— Ну... — тяну я. — Такая... невысокая... полная... э-э-э... стрижка!

— Да-а-а... — Женщина явно разочарована. — Учитывая ваш возраст, больше чем на десять долларов не тянете.

— Десять долларов в месяц? — потрясенно переспросила я. Конечно, я догадывалась, что недорого стою, но чтобы такие копейки! Тогда уж лучше в путаны податься.

— Почему за месяц? — настала очередь удивляться тетке. — За час. Хотя, если ты темпераментная, — она быстро перешла на ты, — может, и неплохо заработаешь.

Темпераментная?! Куда же это она меня пристроить собирается? А в воспаленном мозгу проносятся картинки одна другой краше. Я в короткой юбочке и в одном бюстгальтере «вандербра» темпераментно кручу задницей, одновременно чертя график прироста прибыли фирмы. Или нет, вот так: я в сиреневых лосинах на голое тело и белой майке, конечно без бюстгальтера, темпераментно сижу на столе у шефа и одновременно отвечаю на звонки и регистрирую входящую корреспонденцию. Хотя это какой должен быть стол, чтобы меня выдержать? Да еще вместе с телефоном и поступающими документами?

— Ты чего молчишь? — Тетка на том конце провода громко хмыкнула. — Думаешь? Соглашайся, тебе все равно больше никто не предложит.

— А кем я, собственно говоря, работать-то буду? — наконец задала я тот вопрос, который должна была задать в первую очередь.

— Как кем? — Тетка, чувствую, прямо обалдела. — Так это, ну, в массажном салоне... Досуг мужчинам организовывать.

— Что?! — Я едва не лишилась сознания. — Пуганой, что ли?

— А ты решила, директором банка? — рассмеялась женщина. — Ладно, надумаешь, — звони. — Она продиктовала цифры, которые автоматически, на случай голодной смерти, я попыталась запомнить. Дрожащей рукой бросила трубку и промахнулась, отвратительный писк прерванной связи дополнил и без того прекрасную картину.

Прежде чем телефон зазвонил снова, прошло минут десять. Я успела выпить воды, вытереть слезы и мысленно пожалеть о том, что недавно вылила столько водки на пол. Как бы она мне сейчас пригодилась!

До восьми вечера, пока я не накрыла телефон подушкой, мне позвонили еще девять че-